

Олег Михайлов

Суворов

Издательство АСТ
Москва 2017

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

О 23

Олег Михайлов

О23 Суворов. / О. Михайлов. — Москва: Издательство АСТ, 2017— 608 с.: ил.

ISBN 978-5-17-103492-4

Непобедимый Александр Васильевич Суворов — феноменальная личность, символ своего времени и настоящий человек чести. История России не знает более успешного полководца. Именно с именем Суворова связаны самые громкие русские победы во второй половине XVIII века: Рымник, Очаков, Измаил, Итальянский поход и легендарный переход через Альпы. В своем историческом романе Олег Михайлов воссоздал образ гения: Суворов здесь изображен не только в роли сокрушающего врагов воителя, но и как личность с живым, по-человечески близким читателю характером и трудностями. Удачно переданная атмосфера той эпохи и скрупулезность в изложении событий позволяют наблюдать за жизнью полководца с позиции незаметного свидетеля.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103492-4

© В. Л. Михайлова, наследник, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Содержание

Глава первая. Юность.....	5
Глава вторая. Суворов солдат.....	22
Глава третья. Семилетняя война.....	46
Глава четвертая. «Суздальское учреждение».....	90
Глава пятая. От Смоленска до Вильны.....	107
Глава шестая. Туртукай и Козлуджи.....	148
Глава седьмая. На юге России.....	179
Глава восьмая. Кинбурн и Очаков.....	239
Глава девятая. Фокшаны и Рымник.....	264
Глава десятая. Измаил.....	278
Глава одиннадцатая. В Финляндии.....	301
Глава двенадцатая. Снова на юге России.....	311
Глава тринадцатая. Наука побеждать.....	345
Глава четырнадцатая. В опале.....	366
Глава пятнадцатая. На пути в Италию.....	386
Глава шестнадцатая. Адда.....	397
Глава семнадцатая. Треббия.....	419
Глава восемнадцатая. Нови.....	452
Глава девятнадцатая. «Орлы русских облетели орлов римских».....	473
Глава двадцатая. Смерть и бессмертие.....	506
Важнейшие даты жизни и деятельности	
А. В. Суворова.....	518
Словарь исторических имен.....	521
Словарь воинских званий XVIII века.....	602
Примечания.....	607

Глава первая

Юность

1

В лето одна тысяча семьсот сорок второе, числа двадцать девятого месяца апреля, на пятый день празднования своей коронации в Москве, дочь Петра Первого Елизавета готовилась торжественно отправиться из Кремля в зимний Аннингоф на Яузе. С семи пополудни знатные особы, определенные к церемонии, уже собрались на Ивановской площади в каретах цугом. Прочие персоны загодя отправились в зимний ее величества дом и ожидали процессию там. В числе их был и Василий Иванович Суворов, находившийся при штатских делах в Берг-коллегии в чине полковника. Пользуясь тем, что строгий прокурор все эти дни был занят в бесчисленных церемониях, его двенадцатилетний сын Александр с самого утра убежал из дому, не слушая наставлений мамы Евдокии Федосеевны.

Чуть свет забежал он в людскую, где под тулупом сладко спал его сверстник Ефимка, сын истопника Ивана.

— Ефим, слышь, Ефим, — нетерпеливо тряс его Александр, — ты что, уговор забыл — царицу идти глядеть?..

Со сна Ефимка вскочил, бессмысленно тараща глаза под рыжими ресницами, стирая с конопатого лица невидимую паутину. Похлебали вчерашнюю окрошку из одной деревянной миски — и айда!

Они уже побывали на колокольне церкви Николая Чудотворца, что в Покровском, и пособили знакомому звонарю, когда в восемь утра по сигналу Ивана Великого вся Москва отозвалась благовестом своих сорока сороков; оглядели четверо триумфальных ворот, специально воз-

двигнутых к коронации, — на Тверской у Земляного вала, в Китай-городе подле церкви Казанской Богоматери, на Мясницкой и, конечно, ближние к их дому, на Яузе.

По тракту от Кремля до Яузского дворца, чернея треуголками, стояли в параде лейб-гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский, Конный, а также армейские полки со своими музыкантами. Места для смотрения и окна домов были украшены повсюду сукнами, коврами, шелковыми и шерстяными материями. За зелеными и синими мундирами солдат пестрели по-весеннему разряженные толпы москвичей, ожидавших царский поезд.

Резвый и юркий Александр тянул за собой и увальня Ефимку. В невообразимой толчее они пробились к самой дворцовой решетке Лефортова. Отсюда, с берега Яузы, была хорошо видна вся пышная громада Москвы, с бесчисленными золотыми куполами, увенчанными крестами, с ее дворцами и усадьбами, утопающими в розовом и белом цветении вишен и яблонь.

В одиннадцать часов звон колоколов и пальба на бастионах из ста одной пушки возвестили о выступлении процессии. Путь ее лежал через Маросейку, Покровку и Немецкую улицу. По мере приближения царского поезда, все явственнее становились приветственные клики, беглый огонь в полках из мелкого ружья, звуки труб и литавр с барабанным боем.

Нетерпение все напивавшей и напивавшей толпы у Яузского дворца было так велико, что она прорвала заслоны, и дюжие гренадеры в украшенных плюмажами шапках с трудом оттеснили ее на отведенные для смотрения места. Потерявший Ефимку, щупленький Александр оказался зажатым меж здоровенных спин и плечей.

— Лезь под мышку, сыне, — пропуская его вперед, добродушно прогудел чернобородый дьяк с чернильницей у пояса.

Высунувшись, Александр увидал в конце дороги, идущей от нового моста через Яузу и уставленной пьедесталами с урнами и статуями, конных лейб-гвардии рейтар под их штандартом. За ними верхами ехали два полковника.

— Сие церемониймейстеры — Бейер и, толстый, что к нам ближе, князь Прозоровский, — объяснил бойкий дьяк.

Глава первая. Юность

Мать Суворова, Авдотья (Евдокия) Федосеевна

Будущий тесть Суворова Иван Прозоровский важно сидел на богато убранной лошади, держа золоченый жезл в двуглавым орлом.

За церемониймейстерами медленно потянулись вереницы карет знатных особ: мелькание золоченых спиц в огромных колесах, арапы, карлы,

пажи на запятках, перед экипажами лакеи и скороходы в островерхих шапках и пышных ливреях, по бокам гайдуки.

— Обер-ягермейстер, действительный камергер, обоих российских орденов кавалер и лейб-компания поручик Разумовский... Генерал-аншеф Ушаков... Генерал-аншеф Салтыков... — бормотал, с наслаждением выговаривая чины и имена, дьяк. — Канцлер князь Черкасский... Генерал-фельдмаршал Трубецкой... Президент Военной коллегии князь Долгоруков...

За каретами ведены были служителями двадцать четыре лошади в богатых пополах из конюшни императрицы. Далее, за новыми церемониймейстерами, — трубачи, герольды и князь Сергей Голицын в окружении майоров и сержантов с кожаными мешками, метавший в толпу золотые и серебряные жетоны.

— Лови, дяденька! — крикнул Александр дьяку, но, изловчившись, схватил сам желтый блестящий кружочек. На одной стороне изображение короны, светящей из облака, на другой надпись: «Елисавет Императрица и Самодержица Всероссийская коронована в Москве 1742 года».

Мимо уже шли по двое шестьдесят лакеев двора, проезжали верхами камер-юнкеры и камергеры, шталмейстер и за ним — сверкающая золотом, под огромною короною карета, заложённая осмью белыми лошадьми...

— Царица! Матушка наша Елисавет! Петрова дочь! — раздалось вокруг.

Александр поднялся на цыпочки и увидел в огромном окне, проплывавшем совсем рядом, среди пунцового бархата, тканного золотыми цветами, крупную фигуру императрицы, одетой в епанчу или легкую мантию, и под блистающей бриллиантами короною — круглое большезлазое лицо. Он уже знал за собой эту способность мгновенно схватить и запомнить — содержание ли книжной страницы, встреченного ли человека, в его памяти сразу же запечатлелась эта русская красавица, которую только портит слегка приплюснутый толстый нос. Елизавета поэтому не позволяла писать себя в профиль. Вообще же живописцам указывалось «делать нос государыни подлиннее...». Процессию замыкали кареты статс-дам, жен вельмож, камер- и гоффриейлин.

У въезда во дворец, перед триумфальными воротами, Елизавету встретили ожидавшие ее знатные персоны, генералитет и шляхетство. Царица

Глава первая. Юность

удалилась с гостями в зимний дворец, выкрашенный желтой охрой, с белеными наличниками и фронтоном. Когда она села за стол, на площади перед дворцом взметнулись вверх фонтаны белого и красного вина, сняты были с рундуков покрыва, под коими лежали жареные быки, поросята, окорока, куры и утки.

Александр, нашедший наконец в толчее своего Ефимку, бросился было к угощению, но в дворцовых воротах им преградил путь гренадер.

— Пусти, солдат! — гневно крикнул маленький Александр. — Я сын прокурора Суворова, а это мой дворовый.

— Ишь ты, барчонок востроносый, — удивился гренадер, давая дорогу подростку, — тебя-то я пушу, а вот в подлом платье входить сюда не велено. — и он пихнул Ефимку назад в толпу.

...Когда стало смеркаться, небо над дворцом озарилось шутихами, ракетами, огненными снопами, загорелось вензловое имя ЕЛИСАВЕТ между двумя орлами под короною.

Ликовала Россия, которой правление Анны Иоанновны виделось дурным сном. Покойная императрица окружила себя немецкими дворянами из Курляндии, а ее фаворит, митавский конюх, грубый и тупой герцог Бирон, прямо преследовал все русское. С 1730 года начались аресты, пытки, казни русских дворян по подозрению в заговоре против антинационального правительства. Особое недоверие у Бирона и близких к трону иностранцев вызывали созданные Петром I Преображенский и Семеновский гвардейские полки. Желая ослабить их роль, Бирон и честолюбивый датчанин на русской службе Миних сформировали в 1730 году новый, лейб-гвардии Измайловский полк, почти все офицеры которого состояли из остзейских немцев.

Восшествие на престол Елизаветы Петровны означало конец немецкому засилью — поэтому так радовались, приветствуя царицу, дворяне, купцы, чиновники, лица духовного сана. Впрочем, многомиллионному крепостному крестьянству, «подлому люду», переворот 25 ноября 1741 года не сулил ровно никаких перемен к лучшему...

Через неделю в доме Суворовых, что в Покровском, с утра царило необычное оживление. В трапезную носились меды и пива, соленья, варенья, жаренья. Скуповатый хозяин на сей раз не жалел ничего. Евдо-

Якоб Хоубракен. Портрет Петра I Великого, императора России

Глава первая. Юность

кия Федосеевна в широком сарафане, скрывавшем ее тяжелый живот, самолично спускалась в погреба и подклети, давая указания дворне. Разбитной, нагловатый малый, подававший к столу квас, на вопрос старухи няньки коротко ответил:

— И, баушка, черен чисто галка! Старуха пожевала сухими губами.

— Так это, Сидор, ён...

— Кто? — притворно удивился Сидор.

— Ну да ён!

— Какой такой ён?

— Будто не знаашь... — Она мелко закрестилась и неохотно пояснила: — Да черт!

Знаменитый царский арап Абрам Петров Ганнибал был давним, с детских лет, знакомцем Василия Ивановича. Крестник Петра Великого, он в страшную пору бироновщины отсиживался на лифляндской мызе своей жены Христины-Регины и лишь после падения любимца Анны Иоанновны был принят на службу в Ревельский гарнизон подполковником. Елизавета не позабыла «птенца гнезда Петрова» и 12 января 1742 года пожаловала Абрама Ганнибала прямо в генерал-майоры.

Во время обеда гость рассказывал о праздничных днях в Ревеле, где уже он был обер-комендантом:

— В высокий день коронования ее императорского величества собрал я ополудни господ из генералитета и от флота, равным же образом штаб и обер-офицеров от артиллерии, инженерного корпуса и городского гарнизона, также ландратов герцогства Эстляндского и прочих разных персон. По окончании стола начался бал, который продолжался до полуночи... Перед моею же квартирою представлена была следующая иллюминация: ее императорское величество, на коленях молящаяся, а сверх ее с небес сияние с надписью: «Жив Бог, и жива душа моя». Пред Елизаветою на троне императорская корона и скипетр с надписью: «Богом и родом Петра Великого избранна, свыше Елисавет России данна». А ты, любезный камерад, к каковым ныне делам приставлен?

Рядом с крупным темнокожим генералом без парика и с курчавыми волосами голубоглазый Суворов, маленький и неказистый, выглядел еще плоше.

Олег Михайлов. Суворов

—Государыня соизволила назначить меня прокурором в Генерал-Берг-Директориум.

—Постой, а где же твой первенец? Суворов махнул рукою:

—Он у меня сущий чудак — гостей дичится и чтением до излишества занят.

—Сие похвально. А к чему склонность имеет?

—Всего более к гиштории и военной науке. Представь, вижу у него «Записки принца Евгения» о нынешних войнах и осадах крепостей. Спрашиваю его: «Что делаешь?» — «Читаю, батюшка». — «О мой друг, книгу ту читать тебе еще рано». — «Но почему же?» — говорит он. — «Я ее довольно понимаю и разумею, и она мне очень полюбилась». — «Ну хорошо, мой друг, — отвечаю я, — ежели так, то, пожалуй себе, читай». Он же мне: «Я ее уже вдругорядь читаю».

—Вот как? Любопытно.

—Все просит, чтобы записал его в гвардию. А я боюсь — здоровьем он слаб. Пригоден ли к военной службе?

—Дозволь же мне на него взглянуть...

Двенадцатилетний Александр по обычаям того времени поцеловал черную руку генерала. Убранство светелки было бедным: в углу деревянная кровать с жестким тюфяком и кожаной подушкой, над кроватью образ с засохшею вербой и фарфоровым яичком, у окна стол, несколько книг в свиной коже, ландкарты и планы битв.

На вопросы мальчик отвечал смело, толково, не смущаясь необычного гостя — чернолицего, с большими красными губами и резко блестящими белками глаз и зубами. Бегло проэкзаменовав Александра по разным наукам, особливо инженерному делу (которое он знал в совершенстве, так как учился в специальной школе в Меце), Ганнибал пришел в восторг. Разговор завершился любимой для Абрама Петрова темой — воспоминаниями о покойном императоре, полководце и преобразователе армии российской.

Блаженной памяти Петр Алексеевич самолично написал в дополнениях к уставу, чтобы офицеры солдат отечески содержали, понеже ни единый народ в свете так не послушлив, яко российский... Вернувшись к отцу, Ганнибал на его немой вопрос ответил:

Глава первая. Юность

— Петр Великий непременно, поцеловал бы мальчика в лоб за стойчивые его труды и определил бы обучаться военному делу...

— Я уже и сам к тому склоняюсь, — вздохнул отец. — Может, позвать его сюда?

— Нет, камерад, — остановил его Ганнибал, — не зови: его беседа лучше нашей. С такими гостями, как у него, он уйдет, и, поверь, далеко...

2

На берегу Яузы, против потешной крепости Прессбург, заложил Петр Преображенскую и Семеновскую слободы для первых гвардейских полков. В 1689 году в Преображенской слободе был срублен Съезжий двор (впоследствии названный Генеральным), место управления регулярной русской армией. Указ Петра от 8 ноября 1699 года предлагал тем, «кто хочет поступить на службу, явиться в Преображенское в солдатскую избу...». Указ был подписан генеральным писарем Преображенского полка Иваном Суворовым.

Молодой царь не раз запросто бывал в его доме, что в Преображенском, и самолично крестил его сына Василия. В 1722 году, через семь лет после смерти отца, четырнадцатилетний Василий Иванов Суворов был определен в денщики к Петру I. «При сем государе, — сообщает А. В. Суворов, — он начал службу в должности денщика и переводчика и, по кончине его, императрицею Екатериною Первою выпущен был лейб-гвардии от бомбардир-сержантом и вскоре пожалован прапорщиком в Преображенский полк, где он службу продолжал до капитана...»

О нем писали вскользь и словно нехотя. Большинство биографов Александра Васильевича Суворова подчеркивало в его отце незначительность личности и заурядность судьбы. Такой человек, по их мнению, не мог оказать сколько-нибудь заметного влияния на знаменитого сына. И выходило, что генералиссимус Российских войск был обязан ему разве что некоторыми частными особенностями характера — расчетливостью и бережливостью, переходящими у В. И. Суворова в ску-

пость. Огромная тень, которую отбрасывала фигура сына, заслонила и поглотила отца.

Между тем Василий Иванович Суворов был личностью незаурядной, сыгравшей заметную роль в нескольких важных для России исторических эпизодах. Один из младших «птенцов гнезда Петрова», он под конец жизни достиг высокого положения — был генерал-аншефом, членом Военной коллегии, кавалером Андреевского ордена, орденов Святой Анны и Александра Невского, сенатором.

Это был дворянин не очень знатного рода. По существовавшей моде выводить свой род непременно от иностранцев Суворовы называли своим предком покинувшего в 1622 году Швецию Сувора, но исторические данные никак не вяжутся с этой легендой. Предки Суворовых упоминаются уже в царствование Ивана Грозного, когда Михаил Иванович Суворов служил четвертым воеводой правой руки войск в Казанском походе 1544 года и третьим воеводой большого полка в шведском походе 1549 года.

Место царева денщика не было при Петре ни «подлым», ни тем более лакейским и предполагало обязанности скорее адъютантские. Можно даже сказать, что служба эта была школой, через которую прошли многие известные лица. В сем звании начинал «полудержавный властелин» Меншиков, а также Потемкин и Румянцев — родоначальники исторических фамилий.

В конце 20-х годов ставший уже прапорщиком Суворов женился на девице Евдокии Мануковой. Оба гвардейских полка — Преображенский и Семеновский — в 1728–1730 годах безотлучно стояли в Москве, в своих слободах на Яузе. Евдокия получила в приданое от отца, вице-президента Вотчинной коллегии, каменный дом, расположенный в начале Арбата, неподалеку от церкви Николая Явленного.

Здесь 13 ноября 1729 года, через четыре года после кончины Петра Великого, родился Александр Васильевич Суворов.

Карьера его отца резко затормозилась после воцарения в 1730 году Анны Иоанновны. Натура глубоко национальная, В. И. Суворов в пору бироновщины, очевидно, старался уделять как можно меньше внимания службе, хотя и не скрылся в деревню, как это сделали многие другие. 16 февраля 1730 года он был пожалован в подпоручики Преображенского

Глава первая. Юность

полка и только 27 апреля 1737 года — в поручики. В 1738 году, состоя в полевых войсках прокурором, Василий Иванович был командирован вместе с гвардии поручиком Федором Ушаковым в Tobольск для производства следствия над опальным князем И. А. Долгоруковым, которое по тогдашнему обычаю производилось с «пристрастием», то есть с помощью пытки. В Сибири Суворов пробыл с лишком год.

Вообще же, в недоброе для России царствование Анны Иоанновны, В. И. Суворов больше занимался хозяйством, приумножая все последующие годы свое недвижимое и оставив сыну уже крупное состояние. Помещик по тем временам небогатый, но состоятельный, он владел имениями с тремястами крепостных «мужска полу» в Пензенском, Переяславль-Залесском и Суздальском уездах.

Детство Александра Васильевича Суворова проходило в деревне, а затем в московском доме, что в Покровской слободе (дом на Арбате был продан в 1740 году). Ребенок был ростом мал, хил, тощ, дурно сложен и некрасив, зато резв, подвижен, сметлив. Он рос одиноко, так как других детей у Суворовых в ту пору не было. Мальчик присутствовал при беседах отца с друзьями и знакомыми, и сам Василий Иванович занимал сына рассказами о недавнем прошлом, о времени Петра I и проведенных им войнах.

Когда маленький Саша научился читать, то нашел в библиотеке отца книги военного и исторического содержания, возбудившие его особый интерес. Конечно, хорошей библиотеки у скуповатого В. И. Суворова быть не могло, книги попадались случайные, к тому же по изложению трудные для детского восприятия. Маленького книгочея все это нисколько не смущало.

Как мы помним, в юности своей Василий Иванович Суворов находился при особе Петра не только в качестве денщика, но и переводчика. Незаурядные способности Суворова-старшего к языкам были отмечены много позднее Екатериной II, отозвавшейся о нем как о человеке «весьма образованном», который «говорил, понимал или мог говорить на семи или восьми мертвых или живых языках». Блестящие лингвистические способности А. В. Суворова, надо полагать, были унаследованы от отца. Мальчик скоро начал бегло читать по-французски.